

RU

Коммуникативные стратегии и речевые тактики воздействия на верующего в период острых антирелигиозных гонений (1964-1967 гг.)

Москвина Ю. А.

Аннотация. Цель исследования – определить лингвистические средства и языковые механизмы, позволяющие осуществлять воздействие на адресата. В статье проясняется роль речевых тактик при ведении допроса в рамках товарищеского суда над верующими. Научная новизна исследования заключается в подходе к изучению лингвистических особенностей интеракции группы коммуникантов «верующий - представитель власти» в условиях процессуального действия, в частности товарищеских судов. В результате доказано, что в рамках указанной интеракции были обнаружены разнообразные лингвистические средства для внесения оценочной тональности и усиления экспрессии в рамках реализации стратегии психологического воздействия.

EN

Speech Strategies and Tactics of Manipulative Influence on Believer's Consciousness in the Period of Violent Anti-Religious Campaign (1964-1967)

Moskvina Y. A.

Abstract. The paper aims to identify the linguistic means and language techniques that allow the addresser to influence the addressee. The article clarifies the role of speech tactics during interrogation of believers in comrades' courts. Scientific originality of the study lies in the fact that the researcher examines linguistic peculiarities of the interaction "believer - public officer" during legal proceedings, in particular, in comrades' courts. As a result, it is proved that public officers used a wide range of evaluative and expressive means to implement the manipulative strategy.

Введение

Актуальность исследования определена уникальностью реализуемых через систему речевых тактик и техник лингвистических средств, с помощью которых осуществляется взаимное воздействие в группе коммуникантов «верующий – представитель власти». Особенность интеракции определена группой экстралингвистических факторов: антирелигиозной позицией советской власти и особенностью религиозных догм протестантских конфессий. Тематика исследования является актуальной для современного языкознания, поскольку связывает особенности религиозного дискурса и реализуемые в нем речевые тактики с ролями отправителя информации и получателя. Достижение цели коммуникативных намерений определяет как организация языковых средств воздействия, так и сущность адресата.

В данной работе необходимо решить следующие задачи: во-первых, определить коммуникативные стратегии и тактики, которые используют участники интеракции; во-вторых, выявить лингвистические средства, применяемые ими в рамках исследуемых тактик. В статье применяются следующие методы исследования: дескриптивно-аналитический метод, метод контекстуального анализа.

В рамках исследования для проведения лингвистического анализа были выбраны протоколы товарищеских судов над А. Е. Меньшиковым (убежденный баптист) [12, ед. хр. 10, л. 4], В. С. Хацковым (лидер пятидесятников (г. Пермь)) [11, ед. хр. 10, л. 13] и верующими общины Е. Г. Арбузова (баптистский пресвитер (г. Нижний Тагил)) [1].

Теоретической базой исследования послужили труды классических зарубежных и российских лингвистов, занимающихся исследованием коммуникативных стратегий и тактик (например, Х. П. Грайс, Д. Кингсбери,

Т. А. ван Дейк, И. Н. Борисова, Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров, А. П. Сквородников, И. В. Труфанова и др.). Эти исследователи полагают, что любой диалог начинается с мотива, интенции говорящего, далее следует система конкретных речевых операций, способствующих реализации планируемой коммуникативной цели, и завершается диалог определенным результатом, предполагающим достижение или недостижение собеседниками цели коммуникации, намеченной ими в начале общения.

Теоретической базой исследования послужили и труды современных ученых: Е. В. Беловой (особенности диалога в рамках конфликтного дискурса) [3], И. В. Палашевской (характерные свойства судебного дискурса) [10], Е. В. Братеньковой, Т. В. Чернышовой (языковая личность в условиях речевого конфликта) [5].

Методология исследования основана на разработках Э. В. Будаева [6] и М. В. Косовой [9].

Практическая значимость исследования состоит в том, что раскрываемые в статье лингвистические особенности интеракции «верующий – представитель власти» могут способствовать развитию плодотворного сотрудничества между филологией, теологией и историей. Так, материалы исследования могут быть использованы в вузах гуманитарного направления при подготовке и проведении семинаров по религиоведению, языкознанию, стилистике и истории СССР.

Экстралингвистические факторы как решающий фактор при выборе коммуникативных стратегий и речевых тактик

Язык представляет собой одно из мощных оружий влияния на поведение человека, которое используется как неосознанно, так и осознанно. В первом случае речь идет о том, что человек не владеет определенными речевыми тактиками, но, как говорится, «попадает в точку». Второй аспект принадлежит сфере профессиональной коммуникации, а также определенной сфере, где слово, направленное на конкретную аудиторию, должно быть донесено определенным образом с целью влияния на нее.

Любая коммуникативная стратегия формируется из речевых тактик по принципу «общее – частное» и представляет собой совокупность речевых действий, которые направлены на достижение коммуникативной цели, и реализуется в коммуникативных тактиках [7]. Именно поэтому Е. В. Ключев справедливо отмечает также, что коммуникативная стратегия является совокупностью «запланированных говорящим заранее и реализуемых в ходе коммуникативного акта теоретических ходов, направленных на достижение коммуникативной цели» [8, с. 54].

При планировании каждой из речевых тактик огромное влияние оказывает мощный социальный фактор, а именно роль, которую играют коммуниканты. Роли, соответственно, оказываются, с одной стороны, гибкой системой социально-личностных «элементов», а с другой стороны, стабильной структурой политико-правовых установок. Роли меняются в зависимости от конкретной среды и делятся на большие категории: публичное общение и бытовое. Роли с течением времени – особенно публичные – меняются. Например, интеракции различных религиозных сообществ и их речевые тактики зависят от того, какую публичную роль им приписывают органы власти. Это было связано с борьбой, которую советская власть приписывала членам религиозных общин.

С лингвистической точки зрения к административным методам борьбы властей с распространением влияния религиозных организации можно отнести интеракции, возникающие в процессе следствий, которым подвергались протестантские общины за правонарушения. Подобная интеракция складывалась на основе противостояния с проповеднической деятельностью верующих, которая подразумевалась как действия, направленные не только против психического здоровья граждан, но и против фундамента, на котором стояла советская система. Религия предлагала свою систему ценностей, отличную от той, которая легла в основу системы советского образования; видя в религиозных организациях опасность для существования советской системы, власти прибегали к разнообразным наказаниям за ведение религиозной деятельности, в частности к товарищеским судам.

Товарищеский суд должен был содействовать воспитанию граждан в духе коммунистического отношения к труду, к социалистической собственности, соблюдения правил социалистического общежития, уважения чести и достоинства граждан [14].

В юриспруденции допрос представляет собой процессуальное действие, заключающееся в получении и фиксации в установленном процессуальном порядке показаний свидетелей, потерпевших, подозреваемых и обвиняемых, имеющих значение для правильного решения дела. Предметом допроса могут являться различного рода обстоятельства, имеющие отношение к расследуемому событию [2].

Помимо экстралингвистических факторов большое влияние оказывают при ведении допроса и факторы психологические. Допрос представляет собой сложный процесс общения, состоящий из последовательности взаимосвязанных этапов (стадий), подчиненных единой цели, среди которых можно выделить основные: подготовительный этап, этап установления психологического контакта, этап непосредственно допроса, этап завершения допроса, этап психологического анализа и оценки результатов допроса [4].

На допросе в рамках товарищеского суда обвинители не стремились выявить невиновность верующего. Сам суд имел в некоторых случаях воспитательный характер, а в других – мог решить привлечь «виновника» к уголовной ответственности, поэтому в совокупности все речевые интеракции товарищеских судов имели вид процессуального информационного взаимодействия, межличностного общения и обмена информацией двух главных действующих лиц – допрашивающего и допрашиваемого [13]. При этом стоит отметить,

что товарищеские суды проводились непрофессиональными участниками судебного дискурса, которые не умели корректно пользоваться речевыми стратегиями и тактиками допроса. Главной особенностью товарищеских судов, которая влияла на интеракцию, была субъективность, так как обвиняемый и общественный обвинитель, председатель суда были знакомы друг с другом, работали в одном коллективе, поэтому не могли быть беспристрастными и по отношению к обвиняемому. Еще одной интересной особенностью таких судов можно считать религиозную необразованность обвинителей. Задаваемые вопросы не предполагали даже поверхностных знаний о той конфессии, к которой принадлежал обвиняемый. Так, обращает на себя внимание следующий вопрос:

«В.: Евангелие – это учение православных?»

М.: Я хочу сказать, что все веры основаны на Библии, но ее по-разному понимают» [12, ед. хр. 10, л. 4].

Указанные выше особенности товарищеских судов влияли на специфику стиля интеракций. Речь коммуникантов выдавала их непрофессионализм, что проявлялось в реализации стратегии психологического воздействия через систему тактик, а именно тактик обвинения (инкриминирование вины иным участникам допроса) и самозащиты (установка клиента на отстаивание собственной позиции).

Подобные интеракции в своей совокупности призваны были оказать психологическое воздействие как на общественного обвинителя, так и на верующего. Обвинители стремятся оказать определенное давление на подсудимого, заставить его признать свои проступки; верующий со своей стороны пытается представить свою версию событий и поступков как представителя конфессии, а не гражданина светского общества. В данном случае ввиду особенной среды такие речевые совокупности представляют собой априори негативные языковые элементы и соответствующий эмотивный синтаксис.

Лингвистические индикаторы тактики обвинения

Описанную выше совокупность интеракции следует рассмотреть на синтаксическом, лексическом и лексико-грамматическом уровнях.

Тактика обвинения является определяющей для речевого поведения председателя и общественного обвинителя. Председатель и общественный обвинитель должны строить судебное разбирательство на основе неоспоримых фактов и доказательств. Эта тактика обвинения представлена системой техник (критика поступков верующих, нападение, отрицательная характеристика), которые, как было отмечено выше, основаны на асимметричной модели, определяемой институциональными ролями коммуникантов. Данная асимметрия проявляется в невежливом аспекте перлокуции психологического воздействия, а именно в эксплицитном превосходстве адресанта над адресатом. Адресант эксплицитно выражает негативное отношение к деятельности адресата посредством слов с понятийной негативной оценкой: «Собираясь на моления, Вы знаете, что секта запрещена законом?» [Там же].

Итак, первая выделенная техника – нападение – реализуется в рамках тактики обвинения и характеризуется следующими синтактико-семантическими, грамматическими и лексическими индикаторами.

На уровне синтаксиса техника нападения характеризуется различными видами вопросов: закрытые личные вопросы, ср.: «Вы знакомы с тем, что ваша секта запрещена законом?», «Бывают ли у вас жертвоприношения?», «Знаете ли Вы, что оказание такой помощи запрещено законом?»; личные открытые оценочные вопросы, ср.: «Коммунизм мы строим с помощью Бога или вопреки?»; личные открытые творческие вопросы, т.е. вопросы, в формулировке которых присутствуют элементы условности, предположения, прогноза, ср.: «Если на вас нападут хулиганы, Вы будете защищаться?», «Если мы пойдем защищать Родину, то как будете себя вести?», «Какую цель преследовали, оказывая помощь?».

На синтаксическом уровне применение вопросов характеризует проведение любого судебного заседания. Вопрос может требовать после себя прямого ответа или являться рычагом косвенного воздействия, показывая негативные взаимоотношения адресанта и адресата. Многократное повторение одного и того же вопроса, введение многочисленных вопросительных конструкций в одну фразу служат для дезориентации адресанта. Ср.: «Вы читаете газету? Слушаете ли радио? Смотрите ли телевизор? Ходят ли в кино ваши дети?» [Там же]. «Когда брали вашу помощь, спрашивали, откуда эти деньги? Знаете ли Вы, что оказание такой помощи запрещено законом?» [11, ед. хр. 10, л. 13].

Очень яркую эмоциональную окраску имеет применение повтора, что указывает на две противоположные по смыслу особенности диалога: с одной стороны, на подтверждение мнения собеседника (техника выражения согласия); с другой – на наличие коммуникативных затруднений в общении. Вторая особенность появляется в диалоге в тот момент, когда гармоничность его развития находится под угрозой вследствие затруднения при передаче или получении информации или несогласованности стратегий коммуникантов [4].

«В.: Знакомы ли Вы, что ваша секта запрещена законом?»

М.: Я не понимаю, что такое секта, ни в одном Евангелии нет названия “секта”

В.: Вы знакомы с тем, что ваша секта запрещена законом?»

М.: Я знаю, что в Советском Союзе есть свобода совести» [12, ед. хр. 10, л. 4].

К грамматическим индикаторам техники нападения можно отнести личные местоимения, которые позволяют ввести категорию «чужой – свой», обличая, таким образом, негативные стороны оппонента. Ср.: «Вы подумали о том, что воспитание, которое Вы даете, идет в разрез с нашим коммунистическим воспитанием?» [Там же].

Среди лексических индикаторов техники нападения выделяют оценочные эпитеты, негативно характеризующие деятельность противника: запрещенная секта, дурные семена, ядовитая паутина.

Техника критики поступков верующих предполагает информирование о негативном отношении говорящего к действиям адресата.

Критика поступков верующих включает лексемы с негативной коннотацией, устойчивыми словосочетаниями, повторами, эмоционально окрашенными простыми предложениями. Ср.: «Вы подумали о том, что воспитание, которое Вы даете, идет в разрез с нашим коммунистическим воспитанием?» [Там же]; «Собираясь на моления, Вы знаете, что секта запрещена законом?» [Там же].

При применении техники отрицательной характеристики верующего обнаружены стилистически маркированные единицы с негативной коннотацией («запрещенная законом секта», «предатели Родины» «сатана»), устойчивые и идиоматические выражения, присущие разговорному стилю («четыре правила арифметики постиг», «отольется слезами»). Ср.: «Борис Прохоров – руководитель детской группы общины. С 1943 года рождения. При помощи своих старших “братьев по вере” к сегодняшнему дню, кроме четырех правил арифметики, постиг, что Советская власть – “от сатаны”, что служба в рядах Советской Армии противоречит заповеди Христа, сказавшего: “Не убий”, – и что жизнь без Христа – это обман, который после отольется слезами» [1].

К лексическим индикаторам техники отрицательной характеристики относят применение существительных, обозначающих негативные явления, или фразеологизмов с отрицательно-оценочной коннотацией, характеризующих верующего или его деятельность (личность, религия, идеология, процесс и т.д.): жертвоприношение, хулиган, искажение, сатана.

Таким образом, тактика обвинения является ведущей в стратегии психологического воздействия обвинителей на верующих и представлена широким спектром лексических и синтаксических индикаторов.

Лингвистические индикаторы тактики самозащиты

Перейдем к анализу тактики самозащиты, которая подразумевает реализацию следующих техник: отрицание вины, нападение, оправдание.

Отрицание вины – самая часто встречающаяся техника, высокая частотность которой объясняется нежеланием допрашиваемого быть осужденным.

Синтаксически техника отрицания вины зачастую реализуется через предикатное отрицание (отрицание при глаголе или предикативе). Ср.: «В.: Вы знакомы с тем, что ваша секта запрещена законом? М.: Я знаю, что в Советском Союзе есть свобода совести» [12, ед. хр. 10, л. 4].

С семантической же точки зрения различается общее (полное) и частное (неполное) отрицание. Таким образом, техника отрицания вины реализует в полной мере категорию «отрицания».

Соответственно, синтаксический и лексический уровни могут быть представлены в пяти видах предложений: семантически общеотрицательные предложения с предикатным отрицанием: «Я не скажу, не хочу быть предателем» [Там же]; семантически общеотрицательные предложения с присловным отрицанием: «У нас не секта, ни в одном Евангелии нет названия “секта”» [Там же]; семантически частноотрицательные предложения с присловным отрицанием: «Нет, мы сейчас не против регистрации, мы согласны зарегистрировать общину» [1]; семантически частноотрицательные предложения с предикатным отрицанием: «Но против бога я их учить не буду, какие родители, такие и дети, плохому я их не научу» [12, ед. хр. 10, л. 4]; предложение с кумулятивным отрицанием – это предложение с отрицательным ни-местоимением (быть может, не одним) и сопутствующим отрицанием при глаголе: «Брали, никто не знал, откуда деньги, а что это запрещено законом, я не знал» [Там же].

Лексическими индикаторами указанной техники являются такие языковые единицы, которые в семантических структурах также несут сему «отрицания». Ср.: «Нет. В характеристике отсутствует правда» [1]. Грамматическими индикаторами техники отрицания вины являются:

1) предложения с грамматически выраженным отрицанием и предложения с отрицанием: «Я не знал, что запрещается собирать детей для обучения их слову божьему», «Мы этого закона не признаем» [Там же];

2) личные местоимения первого лица позволяют ввести категорию «свой», отвергая, таким образом, обвинения оппонента: «Мы этого закона не признаем», «Мы действуем на основании евангелия, в котором сказано, что бог есть свет» [Там же].

Интересно, что как адресант, так и адресат применяют технику нападения, которая реализуется в рамках тактики самозащиты и характеризуется следующими синтаксическими, грамматическими и лексическими индикаторами.

К синтаксическим индикаторам техники нападения относятся две группы конструкций. Прежде всего, различные виды побудительных предложений: 1) глагол в форме команды или просьбы, обязывающей адресата выполнить требование говорящего: «Не мешайте нам учить детей слову божьему, не препятствуйте славить бога повсеместно – в городах и весях, на площадях и улицах» [Там же]; 2) глаголы в условном наклонении, к ним добавляются слова «бы» или «ли»: «Да, если бы вы мне предоставили место, я отвел детей в садик» [12, ед. хр. 10, л. 4].

К технике нападения отнесем и различные виды сложноподчиненных предложений с условными придаточными: «Если мы и нарушаем светские законы, то потому что исполняем закон Божий» [1]; «Если православные

признают иконы, то мы их не признаем, т.е. иконы, сделанные руками человека, а верим в Бога и Бог находится на небе» [12, ед. хр. 10, л. 4].

В технике нападения отчетливо прослеживаются характерные грамматические показатели: 1) глаголы в форме будущего и настоящего времени, обозначающие перспективу или программу будущих действий: «Общество, которое вы строите, никогда не будет справедливым» [1]; 2) личные местоимения второго лица позволяют ввести категорию «чужой», обличая, таким образом, негативные стороны оппонента: «Когда придет Господь, вы будете упрекать нас: “Проповедник, проповедник, почему ты мало убеждал нас!”», «Общество, которое вы строите, никогда не будет справедливым» [Там же].

К лексическим индикаторам техники нападения можно отнести, во-первых, оценочные эпитеты, негативно характеризующие деятельность противника: безбожное беззаконное трио коммунизма, нечистый дух, в такой ужасной степени владеющий народами. Во-вторых, нами отмечены и существительные, обозначающие негативные явления, а также фразеологизмы с отрицательно-оценочной коннотацией, характеризующие противника (личность, партия, идеология, процесс и т.д.): антихристы, несправедливость, беззаконие, предатель.

К лексическим индикаторам техники оправдания стоит отнести частое употребление прилагательных и наречий с положительной коннотацией, что указывает на отношение протестанта к собственной деятельности: «Деньги имеем от добровольных взносов, используются на семей, которые живут плохо»; «Я лично был бы довольный»; «Все делается правильно, так назначил Бог» [11, ед. хр. 10, л. 13]; «Но против бога я их учить не буду, какие родители, такие и дети, плохому я их не научу» [Там же].

Техника оправдания носит характер объяснения поступка верующего и представляет собой жанр убеждающей речи. Не случайно поэтому в наших материалах грамматическим индикатором репрезентации тактики оправдания оказываются сложноподчиненные предложения с придаточными причины в качестве аргументов: «Ввиду икон, если православные признают иконы, то мы их не признаем, т.е. иконы, сделанные руками человека, поскольку верим в Бога и Бог находится на небе» [12, ед. хр. 10, л. 4].

Стилистическим индикатором техники оправдания служит и обращение к тексту Священного Писания. При цитировании слов человека (в данном случае Писания), являющегося авторитетом для верующих, или при упоминании авторитетного имени в манипулятивном тексте цитата зачастую вырывается из общего контекста и домысливается или объясняется манипулятором таким образом, будто авторитет поддерживает взгляды манипулятора или одобряет действия, к которым тот призывает. В данном случае интеракция обращается к следующим синтаксическим конструкциям: «я знаю... я думаю... я уверен». Далее адресант неверно цитирует авторитетный источник (Библию): «Христос был на земле, вычитал в Евангелие – послание к евреям в 9 главе»; «Я считаю, законы не нарушаю. С Болдаком я имею связь, не с бандитом, а я его знаю как верующего, на третий вопрос я не знаю. Секта создана не нами и создана в начале веры»; «Я знаю, всякая власть от Бога, поэтому мы полностью подчиняемся» [11, ед. хр. 10, л. 13].

Заключение

Выполнение поставленных задач позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, исследование позволило определить коммуникативные стратегии и тактики, которые используют участники интеракции «верующий – представитель власти». Впервые данная интеракция проанализирована в условиях процессуального действия. Было обнаружено, что во всех исследованных текстах осуществляется генеральная стратегия взаимного психологического воздействия как со стороны представителей власти, так и со стороны верующих. Стратегия психологического воздействия реализуется посредством двух ведущих тактик: обвинения и самозащиты.

Во-вторых, выявлены лингвистические средства, применяемые коммуникантами в рамках тактик самозащиты и нападения. Отмечено, что тактика самозащиты осуществляется в большом спектре речевых техник, отличающихся разной степенью сложности, узнаваемости, а следовательно, действенности. В религиозном дискурсе для формирования соответствующих коммуникативных тактик, оценочной тональности и усиления экспрессии используются в основном следующие лингвистические средства: оценочные эпитеты; конструкции и лексика, наделенные отрицательно-оценочной коннотацией; синтаксические конструкции с отрицательно-оценочными предикатами. Все рассмотренные тактики, будучи средством манипуляции сознанием, нарушают речевую этику, и прежде всего лингвопрагматические постулаты, имеющие этический характер.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы мы видим в более детальном изучении особенностей интеракции «верующий – представитель власти».

Список источников

1. Афанасьев А. Паутина // На смену. 1967. 26 марта.
2. Белкина Р. С. Криминалистика: учебник для вузов / под ред. Р. С. Белкина. М.: НОРМА, 2001. 990 с.
3. Белова Е. В. Структурно-содержательные особенности бытового конфликтного дискурса: дисс.. к. филол. н. Калуга, 2016. 171 с.
4. Борисова И. Н. Дискурсивные стратегии в разговорном диалоге // Русская разговорная речь как явление городской культуры. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1996. С. 21-48.

5. Братенькова Е. В., Чернышова Т. В. Языковая личность в условиях речевого конфликта (на материале интернет-коммуникации) // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета. 2017. № 14. С. 163-166.
6. Будаев Э. В., Ворошилова М. Б., Руженцева Н. Б. Эволюция лингвистической экспертизы: методы и приемы. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2017. 201 с.
7. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд-е 3-е, стер. М.: Едиториал УРСС, 2003. 284 с.
8. Клюев Е. В. Речевая коммуникация: Коммуникативные стратегии. Коммуникативные тактики. Успешность речевого взаимодействия: учеб. пособие для ун-тов и ин-тов. М.: ПРИОР, 1998. 224 с.
9. Косова М. В. Метод документоведческого анализа в лингвистических исследованиях: содержание и цели // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2016. № 1 (30). С. 7-17.
10. Палашевская И. В. Судебный дискурс: функции, структура, нарративность: автореф. дисс.. д. филол. н. Волгоград, 2012. 40 с.
11. Протокол заседания общественного суда Дзержинского района г. Перми по рассмотрению дела о руководителе религиозной секты «пятидесятников» гр. Хацкове Василии Семеновиче от 13 апреля 1964 года // Государственный архив Пермской области (ГАПО). Ф. Р-1204. Оп. 1.
12. Протокол № 6 от 9 апреля 1964 г. // ГАПО. Ф. Р-1204. Оп. 1.
13. Ратинов А. Р. Судебная психология для следователей: учеб. пособие / Высш. школа МООП СССР. М., 1967. 290 с.
14. Филиппов Е. И. Комментарий к Положению о товарищеских судах. М.: Юрид. лит., 1972. 135 с.

Информация об авторах | Author information

Москвина Юлия Александровна¹

¹ Уральский государственный университет путей сообщения

Moskvina Yuliya Alexandrovna¹

¹ Ural State University of Railway Transport

¹ moskvina_yuliya@bk.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 06.03.2021; опубликовано (published): 30.04.2021.

Ключевые слова (keywords): коммуникативные стратегии; речевые тактики; коммуниканты «верующий - представитель власти»; лингвистический анализ; communicative strategies; speech tactics; interaction “believer - public officer”; linguistic analysis.